

ковные бывшего Митрополита Ростовского Арсения в священном сане и архиерейском достоинстве,

ПОСТАНОВЛЕНО: Бывшего Митрополита Арсения (Мацеевича) восстановить в священном сане и архиерейском достоинстве; о чем, для надлежащих распоряжений, уведомить Преосвященного Митрополита Ярославского, а также Ваше Преосвященство .

Октября дня 1921 года. №⁷

Член Священного Синода

Делопроизводитель [подпись] М. Гребинский».

*Менькова И. Г.
(ПСТГУ)*

О ПОЗИЦИИ ВЕНИАМИНА (ВОСКРЕСЕНСКОГО), ЕПИСКОПА ТУТАЕВСКОГО, ПО ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВУ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Епископ Вениамин, в мире Василий Константинович Воскресенский, был призван к архипастырскому служению в 50-летнем возрасте, когда большая часть его деятельной жизни была уже позади. Силы свои он отдал делу образования, в течение многих лет служил преподавателем разных семинарий, потом общеобразовательной школы первой и второй ступеней. Когда стал вопрос о необходимости избрания нового Ярославского викария, епископа Романовского, оказалось, что наибольшим уважением и авторитетом пользуется школьный учитель Василий Константинович Воскресенский. 4 июня 1921 г. состоялся съезд духовенства и мирян Тутаевского уезда. На съезде было решено, что поставление епископа Романовского «может быть осуществлено при условии назначения на кафедру ... лица, имеющего богословское образование, обладающего даром проповедничества, так необходимого в настоящем времени, чтобы дать отпор все возрастающему неверию, и на религиозных диспутах, и для живой проповеди среди верующих. Настоящий съезд таким кандидатом считает бывшего преподавателя Ярославской Духовной Семинарии Василия Константиновича Воскресенского прежде всего...»¹

В том же 1921 г. Василий Константинович принял монашеский постриг с именем Вениамин и был рукоположен в сан епископа Тутаевского. С этого времени он стал неизменным помощником митрополита Агафангела, поручавшего своему викарию разрешение очень сложных дел: противостояния обновленчеству, просвещения заблудших, участия в делах епархиального управления. По всему было видно, что правящий архипастырь нашел в новом викарии единомысленного и надежного соратника. По благословию митрополита Агафангела уже в 1922 г. епископ Вениамин переселился в Ярославль.

После ареста и заключения свт. Агафангела православные клирики и миряне города именно епископу Вениамину объявляют о своем доверии и послушании как преемнику заключенного епархиального архиерея. 15 октября 1922 года на собрание духовенства и мирян Ярославля пришло около 3 000 человек. В протоколе со-

⁷ Дата и номер синодского определения в данном экземпляре не проставлены.

¹ ГАЯО. Ф. Р-516. Оп. 1. Д. 166. Л. 279-280 об.

брана засвидетельствовано: «...5) Ввиду же того, что владыка митрополит находится теперь вне пределов своей епархии и лишен возможности лично управлять последнею, мы временно, до возвращения его к месту своего служения, признаем правящим епископом Преосвященного Вениамина Романовского, как получившего на этот предмет соответственные полномочия от самого владыки митрополита. [...] 7) Принимая во внимание сказанное, постановляем, чтобы отныне во всех наших храмах совершалось за богослужениями молитвенное поминовение Святейшего Патриарха Тихона, Ярославского Митрополита Агафангела и Романовского Епископа Вениамина»².

Возглавить Ярославскую епархию епископу Вениамину не удалось. С 1922 г. он был трижды арестован, отбывал заключения в тюрьмах и ссылках. Но в 1926 г., когда митрополит Агафангел возвратился из Нарымского края в свою епархию, епископ Вениамин также был освобожден. В период серьезных разногласий между Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и митрополитом Агафангелом по вопросу о преемстве власти, он, как и остальные ярославские викарии, был сторонником возглавления Церкви митрополитом Сергием (Страгородским). Одним из обстоятельств, повлиявших на формирование его позиции, был личный опыт противостояния расколу, когда в Рыбинске епископ Гервасий (Малинин), освобожденный в 1925 г. из очередного тюремного заключения и почитавшийся исповедником, возглавил церковный раскол «местного значения». Он объявил себя аполитичным, стоящим вне существующих церковных ориентаций, как «тихоновской», так и обновленческой, осуждал обе и создал «независимую» церковную группу.

А в 1926 г. в своем викариатстве, в г. Романове, епископ Вениамин столкнулся еще с разделением, спровоцированным переселившимся из Петрограда священником Неведомским. Противопоставляя себя остальным священнослужителям, этот священник не участвовал в общецерковных мероприятиях, не подчинялся указаниям епископа, допуская прямую дерзость в отношении к нему. При возникновении общецерковного конфликта с митрополитом Сергием священник Неведомский и присоединившиеся к нему священники объявили себя противниками Заместителя Местоблюстителя.

На основании своего личного опыта епископ Вениамин видел в сторонниках смены возглавителя церковной власти лишь раскольников, возмутителей мира. Несмотря на это, владыка никогда не пытался оказывать давление на правящего архиерея, его нет в числе викариев, уговаривавших митрополита Агафангела отказаться от местоблюстительства. Никакой тени недоверия не легло на их отношения, и в этот недолгий промежуток «временного пребывания на свободе» епископ Вениамин продолжал самоотверженно помогать архиерею; их взаимопонимание было для всех очевидно.

Декларация митрополита Сергия застала епископа Вениамина уже в заключении: он был арестован 12 июня 1927 года. Епископ Вениамин категорически утверждает неприемлемость провозглашенных принципов: «Я с ней [с декларацией митрополита Сергия] не соглашаюсь, я против нее, я осуждаю ее, — писал владыка ярославскому благочинному о. Ф. Н. Понгильскому. — Я не „мирюсь“ и не „соглашаюсь“ с митрополитом Сергием и считаю его виновным»³.

После появления обращения ярославских архиереев к Заместителю Местоблю-

---

² ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-4773. Л. 47-48.

³ Письмо епископа Вениамина ярославскому благочинному протоиерею Феодору Николаевичу Понгильскому от 27.11.1928 (ГАЯО. Ф. Р-3698. Оп. 2. Д. С-9031. Л. 73-75).

стителю с извещением об административном отмежевании от него, епископу Вениамину прислали сообщение об этом и копию текста. Как и в спорах о местоблюстительстве, владыка не присоединился к их протесту, хотя сразу увидел и оценил серьезные основания и благие плоды отделения митрополита Агафангела.

Восстановление общения Ярославского архипастыря с митрополитом Сергием вызвало в епархии разногласия и взаимные обвинения клириков. В это время епископ Вениамин находился в далеком Джамбейте и потому не был ни свидетелем, ни участником этого события. Вести о разделении отзывались скорбью и болью в его душе, и он взял на себя разъяснение смысла воссоединения свт. Агафангела с Предстоятелем Церкви, доказательства того, что оно вынуждено и не означает принятия его позиции:

«„Воссоединение“ или вообще „единение“ [с митрополитом Сергием] не означает „примирения“ и тем более „искания дружбы и покровительства богоборцев“ и „общения с велиаром“. „Примирение“, „искание“, „общение“ отец Неведомский считает единственным мотивом единения. Понимание очень узкое, одностороннее и недоброе. Митрополит Агафангел знал и другой мотив, которого не признает о. Неведомский, – это послушание Церкви. Церковь имеет каноны. Каноны говорят: нельзя Предстоятеля Церкви судить без суда Церкви. Если его пока нет, то пребудь в терпении, и уповании, и чаянии грядущего суда: он будет или через собор, или, по невозможности его, через внутренний «consensus», какой состоялся об обновленцах. Митрополит Агафангел, находясь в преддверии смерти, не решился выступить с судом (отделение означает именно суд) без суда Церкви. Я тоже не решаюсь и боюсь. Я повинуюсь Митрополиту Сергию. Это не значит, что я соглашаюсь с Декларацией, в которой действительно есть „искание“ и „общение“. Я хочу быть послушным Церкви и ее канону: без суда не суди. Я боюсь выступить с судом без суда Церкви»⁴.

Возможно, полагая митрополита Агафангела единомысленным с собой, епископ Вениамин ошибался. Он оказался в ситуации, отчасти подобной той, которую разрешал покойный святитель, желая восстановить мир церковный, нарушенный великим и тяжелым соблазном. Владыка, вероятно, предполагал, что опирался на опыт архипастыря, утверждая законность положения Заместителя Местоблюстителя и необходимость полного подчинения его власти; но, при своем примирении с митрополитом Сергием, святитель Агафангел так вовсе не считал и не имел в виду ничего подобного.

В ответ на сообщение о кончине святителя и последующем назначении на Ярославскую кафедру одного из ближайших сподвижников митрополита Сергия – архиепископа Павла (Борисовского), он излагает свое понимание ярославского выступления против церковной политики Заместителя Местоблюстителя, каким оно сложилось у него под непосредственным впечатлением от общения с митрополитом Агафангелом.

«Архиепископ Павел должен подумать и узнать, что не личные мотивы были основой выступления Митрополита. [...] Архиепископ Павел увидел, что „личное“ ушло, а идея осталась. И значит, не личное было в основе, а идея. Текущая действительность опровергала и другое порицание митрополиту Агафангелу, будто его основания очень шаткие и не серьезные, как простые предположения. [...]

Наша Православная Русская Церковь была и есть... объектом наблюдения различных „внешних“... Кто со скорбью, кто со злорадством, кто с недоумением, но

⁴ Там же.

никто не прошел мимо этого знаменитого своего рода „Пакта Келлога”⁵. При всем разнообразии отношений у всех их проявилось... и нечто общее: духовная христианская репутация нашей Церкви во взгляде и чувстве их понесла существенный ущерб, потерпела заметное умаление... Митрополит показал, что их впечатление ошибочно... Митрополит [Агафангел] показал, что митрополит Сергей и коллегия – лишь часть Церкви, а не вообще Русская Церковь. Наложённая «внешними» тень на Русскую Православную Церковь локализована была на небольшом участке. В этом историческая заслуга локализовавших»⁶.

В 1928 г. непросто было провести в Ярославской епархии идею подчинения Заместителю Местоблюстителя. Скоропалительное поставление им на Ярославскую кафедру Вятского архиепископа Павла вместо ожидаемого архиепископа Варлаама (Ряшенцева), привнесенные новым архиереем изменения в жизни епархии усилили недоверие к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя и вызвали почти всеобщее неприятие его ставленника. Пытаясь способствовать утишению разгоравшихся конфликтов, епископ Вениамин в один день написал несколько писем в Ярославль, убеждая и священников, и мирян в законности поставления архиепископа Павла:

«Многоуважаемый о. Николай! XI, 28/15 – вчера я получил Ваше письмо. Среди вас возникло недоумение по отношению к архиепископу Павлу и поминанию его. [...]

Вопрос об архиепископе Павле решается иначе и определенно. Поминание архиепископа Павла канонически обязательно. 1-е правило св. поместного Константинопольского Двукратного собора повелевает всем пресвитерам и диаконам поминать своего епископа «аще пресвитер или диакон, по некоторым обвинениям, зазрев своего епископа, прежде соборного исследования и рассмотрения и совершенного осуждения его, дерзнет отступить от общения с ним и не будет возносить имя его в священных молитвах на литургиях по церковному преданию, таковой да подвергнется извержению, да лишится всякия священнической чести. Ибо поставленный в чине пресвитера и восхищающий себе суд, митрополитам предоставленный, и прежде суда, сам собою осудити своего отца и епископа усиливающийся, не достоин ни чести, ниже наименования пресвитера».

Является ли архиепископ Павел таким епископом – епархиальным епископом? Да, является. Он поставлен в Ярославль законным предстоятелем высшей церковной власти.

Является ли митрополит Сергей таким законным предстоятелем? Да, является.

Наша Ярославская епархия, как и все другие епархии, со времени появления митрополита Сергея у церковного кормила, признавала его законную власть. После известного акта митрополита Сергея, произведшего большое смущение в Церкви, некоторые епископы отделились от митрополита Сергея. Отделилась от него и наша епархия. [...] Но Ярославское отделение, как разъяснил митрополит Агафангел и выступившие с ним епископы, было не полностью каноническим отделением, молитвенное общение с митрополитом Сергием не прерывалось, а произошло лишь административное отделение. Да и оно было кратковременно. Скоро восстановилось полное каноническое единение и общение. С этого момента вопроса о высшем предводительстве митрополита Сергея для Ярославской епархии уже нет,

---

⁵ Декларация митрополита Сергея уподобляется «Келлога-Брианта пакту», или «Парижскому пакту» – соглашению об отказе от войны как орудию национальной политики, подписанному в Париже 27 августа 1928 года 15-ю государствами.

⁶ Письмо Виктору Петровичу Розову от 31.10.28 (Архив ДКНБ Казахстана. Д. 3260. Т. 9).

для сомнений в отношении к этому предстоятельству более нет места. Так произошло еще при митрополите Агафангеле.

После смерти его положение остается неизменным, ничего нового не произошло⁷, чтобы заставить вновь поднять вопрос о митрополите Сергии и его высшем предстоятельстве. И как при митрополите Агафангеле, так и теперь, по идеологии и практике Ярославской епархии, митрополит Сергий является при митрополите Петре уполномоченным предстоятелем высшей церковной власти⁸. Митрополит Сергий – законная власть. Если архиепископ Павел, им поставленный в Ярославль, законный епархиальный епископ, то поминание его, как такового, канонически обязательно.

Он [митрополит Сергий] является предстоятелем высшей церковной власти де-факто, но не де-юре. Де-юре высшая церковная власть у нас митрополит Петр, двух высших властей де-юре нет. Канонически обязательно поминание митрополита Петра. О поминании помощника его канон молчит, на этом молчании основывается моральное право не поминать митрополита Сергия. [...]

Патриарх Тихон разрешил одно время не называть его имени на церковных возгласаниях. Эта «икономия» допустима и к митрополиту Сергию. Поминание митрополита Сергия не обязательно канонически, но можно сказать, что при признании его – морально обязательно. Но если имя его временно связывается с Декларацией, бесславящей Церковь, и поэтому вызывает смущение, то допустимо непоминание его по «икономии».

Так я понимаю дело о митрополите Сергии... Декларацию я считаю пятном, запятнавшим нашу Церковь и причинившим ущерб славе Православной Церкви. Когда вышла Декларация, раздались протесты, показавшие, что Церковь, в отношении Декларации, не с митрополитом Сергием. Только очень малая часть одобрила его акт, но не вся Церковь, сохранившая свое прежнее православное лицо.

Но после такого акта можно ли защищать митрополита Сергия? Здесь по канону мы требуем отделения от виновного. Но можно ли утверждать, что Декларация содержит в себе ересь? Наша Церковь об этом еще не сказала ни слова. Наблюдается по этому предмету разделение. [...] Такое разнообразие суждений свидетельствует о недостатке ясности в понимании и определении подлинного качества Декларации. В большинстве взглядов Декларация составляет грех не в области догмата, а в области морали.

Декларация не ересь, а скорее духовно-нравственное преступление. [...]

Но этот грех не уничтожает власти и не составляет фактора, лишаящего ее носителя права быть членом Церкви. Поэтому и митрополита Сергия терпеть можно, в особенности по обстоятельствам времени⁹.

Сейчас трудно представить, насколько сложно было в условиях, не имевших аналога в истории, в окружении лжи и вероломства, сориентироваться и найти правильную церковную позицию. Она определялась, потом, под влиянием новых событий, изменялась. Неудивительно, что позиция епископа Вениамина противоре-

---

⁷ Епископ Вениамин не знал, видимо, о том новом, что «произошло»: о смещении митрополитом Сергием с занимаемых кафедр не согласных с ним архиереев и последующих арестах их властями.

⁸ Епископ Вениамин, видимо, не знал также о том, что подчинение митрополита Сергия митрополиту Петру стало большой проблемой, что иерархическая связь их на практике не осуществляется.

⁹ Письмо епископа Вениамина протоиерею Тутаяевского собора Николаю Розову от 29.11.1928 (Архив ДКНБ Казахстана. Д. 3260. Т. 9).

чива: он утверждает и тяжесть греха против Церкви¹⁰ митрополита Сергия, и неотъемлемость его права на высшую церковную власть.

Епископ Вениамин был убежденным противником внутрицерковных разделений, и соображение о необходимости до суда подчинения власти Заместителя Местоблюстителя ради сохранения мира церковного стало определяющим в его церковной позиции. Тем более что и из других епархий он также получал вести о разраставшемся расколе. Наиболее ярким было послание Вятского архиепископа Никифора (Ефимова). Владыка Никифор был определен викарием Вятской епархии вскоре после освобождения из заключения. В епархии он оказался в «эпицентре» тяжелого смущения и раскола, вызванных июльской декларацией и последующими распоряжениями митрополита Сергия и охвативших самые широкие круги православного населения, вплоть до социальных низов. В проявлениях протеста против деятельности митрополита Сергия епископ Никифор не видел ничего, кроме смуты, тем более что в Вятской епархии она принимала стихийные и подчас примитивно грубые формы:

«[...] В Вятской епархии у нас творится ужасное дело. Бывший викарий епископ Виктор поднял церковный бунт против митрополита Сергия и епархиального епископа Павла и увлек за собой много духовенства и мирян. Он объявил митрополита Сергия и всех его сообщников, т. е. всех епископов Патриаршей ориентации, богоотступниками, изменниками Православию, предателями Церкви, «красными» новообновленцами, безблагодатными, еретиками, антихристами. Назвал таинства, нами совершаемые, «погаными», иконы в наших домах и храмах – идолами и мертвыми досками, храмы – идольскими капищами и местами идолослужения, себя объявил единственным православным епископом. Наводнил епархию возмутительными посланиями, напустил целые сотни своих агентов. Последние от себя стали сеять еще больше клеветы, что мы на панагиях носим серп и молот, приказываем с храмов снимать кресты и ставить красные звезды, таскаем иконы и хоругви на манифестации в революционные праздники, что мы расстриглись, разделись и женились, что мы арестовываем истинно православное духовенство, что мы соединились с обновленцами и т.д. В результате $\frac{1}{3}$ приходов епархии отложились от митрополита Сергия и архиепископа Павла, избрали своим духовным руководителем епископа Виктора, раскол все ширится, верных священников избивают и изгоняют. Одичание и озверение не поддаются описанию. Не желают ничего слушать и принимать. Всем этим умело пользуются разные проходимцы и карьеристы из духовенства, а особенно враги Церкви, в руку которых играют слепые несчастные люди, воображающие, что они стоят за Православие. Какое злое дело совершили церковные оппозиционеры, в их числе и Ярославский. Е[пископ] Н[икифор]»¹¹.

---

¹⁰ Принятие декларации означало, по сути, отвержение возможности, запрета для Церкви в целом и для каждого христианина в отношениях с богоборческим государством выбора исповеднического пути. Сегодня, через 70 лет после ее издания, явилось мнение, согласно которому решение это было единственно спасительным шагом, совершенным ради сохранения Церкви. Однако декларация не оправдала возложенных на нее надежд и нимало не охранила Церковь, расписавшуюся в верноподданничестве: в застенках ОГПУ-КГБ сидели вместе и отвергшие декларацию «непоминающие», и «сергиевцы», а к началу Отечественной войны Русская Церковь была практически уничтожена – на свободе остались считанные единицы священнослужителей, почти все храмы были закрыты. И не декларация, а начало войны помешало советским властям довести дело до конца. Возрождение Церкви тоже не заслуга декларации.

¹¹ Письмо архиепископа Вятского Никифора (Ефимова) епископу Вениамину от 06.1929 (Архив ДКНБ Казахстана. Д. 3260. Т. 9).

Справедливости ради надо отметить, что часть серьезных обвинений митрополита Сергия, упоминаемых в одном ряду с другими – нелепыми, имела основания. Например, предателем интересов Церкви митрополита Сергия считали многие иерархи; в благодатности таинств, совершавшихся поставленными им священнослужителями сомневались многие маститые пастыри; совершавшиеся им переводы с занимаемых кафедр несогласных архиереев рассматривались как указания властям лиц, подлежащих аресту (который не заставлял себя долго ждать) и т. д. Но все это представлено (а может быть, и виделось епископу Никифору) как имеющее одну цену с порождениями невежественного религиозного и социального сознания.

Информация такого рода укрепляла епископа Вениамина в стремлении сделать все, от него зависящее, для восстановления единения верующих Ярославской епархии под омофором Заместителя Местоблюстителя. Но с течением времени владыка убедился в том, что уговоры и аргументация его не очень действенны, что отношения с правящим архиереем и митрополитом Сергием в епархии обостряются. И ответственность за это лежит вовсе не только на ярославцах. Спустя год он почел необходимым написать самому архиепископу Павлу откровенное, нелицеприятное и тщательно продуманное обширное послание, освещающее все стороны церковного конфликта, трагедии, вызванной следованием принципам, провозглашенным в декларации.

«Высокоперосвященнейший владыко Павел.

Не мало писал я и старался о том, чтобы оказать влияние, по моему личному сознанию и долгу епископа, на неправильное отношение Ярославцев к митрополиту Сергию и к Вам, посланному от него на Ярославскую кафедру, Архиепископу.

Правильным отношением я считал и считаю – осуждение Декларации с Синодом, и при всем этом – церковное единение с митрополитом Сергием.

Отделение от митрополита Сергия без церковно-формального суда Церкви, или без явно выраженного общего голоса Церкви, или без увольнения митрополита Сергия нашим Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром – отделение по своему частному разумению и почину я считаю каноническим беззаконием и самосудом...

Относительно Вас, как Ярославского архиепископа, не избранного, но назначенного, причастного к Декларации и Синоду, я приводил в письмах мысль, что при всем каноническом и церковно-конструктивном наклоне к избранию, назначение Вас на должность не может составить канонического прецедента к отделению Ярославцев от Сергия и от Вас.

Ваш вопрос – уже второй вопрос по юридическому составу и по степени церковной важности. Решение его допускает, по юридической несостоятельности своей, и перерешения. [...]

В Вашем появлении была некоторая каноническая нечистота. Вы шли в окружении, подходящем более для мира, нежели для церковной атмосферы. А поэтому в своем утверждении на Ярославской кафедре морально не должны были проявить всей той энергии, которая содержится в каноне.[...]

Желание их [ярославцев при встрече с Вами] было законно и духовно чисто – иметь своим пастырем уже знакомого, уже близкого отроду, уже полюбленного пастыря. Пославший Вас и Вы шли, приказывая, требуя, вымогая, скрыто принуждая, подкрепляя свое продвижение к цели стуком жезла, едва не оказывая насилия. Но не вдали, среди вас, чувствуется и оно. Оно не от Вас, но за Вами, оно подкрепляет Вас, а Вы опираетесь на него. Это всем видно, видно, несомненно, и Вам. Эта сила

чуждая для Церкви, сила – опора меча – извращение природы Церкви. Вы это знаете. Православное сознание никогда не захочет примириться с мечом, оно переносит его действие тяжело, обидно, мучительно. Как можете быть спокойны и дерзновенны? Поймите ярославцев, так тяжело и скорбно переживающих Вас. Какими обстоятельствами вызывается и требуется Ваше настойчивое продвижение на Ярославскую кафедру? Вы не можете указать таких обстоятельств церковных, ибо их нет. Вы от мирских расчетов, не от Христовых. Сложившиеся обстоятельства указывают, наоборот, в пользу Вашего добровольного отказа от взятого курса «во что бы то ни стало». Волнение ярославского верующего общества угрожало крупным и печальным последствием – перерывом общения с митрополитом Сергием, тем более, недавно уже пережитым и окончательно еще не изжитым. [...]

Вы остались, но должны вдуматься в психологию ярославских настроений и некоторых резких выступлений, которые вошли в длительный и болезненный процесс Вашего утверждения в Ярославле. [...]

Почему ныне последовало разъединение? Прежде всего, причиной того разъединения послужила знаменитая Декларация митрополита Сергия. Декларацией достоинству Церкви, церковному единению и миру нанесен был сильный удар, тело Церкви испытало глубокое потрясение. Произошли волнения, протесты, распри, отделение, вражда. Церковь стала на «страже». Доверие к митрополиту Сергию колебалось, у многих и совсем утратилось. Заподозрено было его православие, встал вопрос: достоин ли он стоять во главе Церкви? Мир в Церкви и теперь не восстановлен, связь тела с главой в ослаблении, в расстройстве. [...]

Митрополит Сергей начал мероприятие сложное и трудное по всей духовной основе. В целях упорядочения гражданского положения Церкви в современном государстве митрополит Сергей совершил опыт беспрецедентный в истории Церкви, опыт соприкосновения двух взаимоотрицающих стихий – Царства Божия и царства безбожия, царства Христа и царства антихриста. Митрополит Сергей всегда отличался известной гибкостью своего ума. Здесь он перешел ее меры и стал ее жертвой.

Декларация поставила Церковь в такое отношение к современному государству, какого Она принять не может, оставаясь Церковью.

Наше государство открыто перед всем миром начертало на своем знамени – безбожие и борьба с религией, с христианством, в частности – с Православием, и в особенности – «борьба до победного конца», до полной смерти религии в государственном мире. Церковь никогда не может сказать такому правительству: «Я с нашим правительством», безбожному народу: «Я с нашим народом», Церковь никогда не может сказать: «Радости и успехи нашей гражданской власти – наши радости и успехи, неудачи ее – наши неудачи». Правительство выступило под знаменем безбожия и систематической богоборческой войны с религией. [...]

Христианин не может назвать безбожно построенной родины – своей родиной и тем более радоваться ее радостям и успехам. Радости и успехи безбожной родины закрепляют безбожие родины и поэтому не могут быть радостями христианина. Встав рядом с безбожием и богоборческим правительством, усвоив себе радости и успехи безбожно построенной и богоборческой родины, митрополит Сергей «приклонил» Церковь Христову под одно ярмо, под чужое ярмо с «неверными», в причастие праведности «беззаконию», в противоестественное, насильственное согласие Христа с велиаром (2 Кор. 6:14–15). Через 2000 лет после крещения Христа, отказавшегося «от поклонения ему» (Мф. 4:9), митрополит Сергей, как знаменитый великий инквизитор Испании, «преклоняет» выю Христа перед «ним». [...]

Через 2000 лет русский великий инквизитор предпринимает новый мировой опыт, вновь сводит Христа с антихристом, «соглашает» их и преклоняет их под одно ярмо «грузовой антихр[истианской] повозки мира». Чудовищный союз – соединение неба и ада. Картина потрясающая!.. Церковь ужаснулась перед картиной. Иерархия и миряне, за немногим исключением, отвергли с глубоким волнением, с большой тревогой [идеи Декларации]¹², с лишением митрополита Сергия своей любви и уважения, каким они ранее окружали его. Многие лишением доверия, неприязнью, враждою заподозрили в нем нечистоту его православия, перестали видеть в нем предстоятеля Православной Церкви. Начались отделения, самосуды, приговоры, прекращение церковного поминовения...

Так понята была декларация Церковью – иерархией и мирянами. Митрополит Сергей не может жаловаться на неправильность понимания. Вся Церковь поняла документ одинаково»¹³.

Архиепископ Павел, тесно сотрудничавший с митрополитом Сергием, имел много возможностей ознакомить его с текстом письма и, несомненно, сделал это ввиду исключительной важности затронутых в нем вопросов и прямого отношения предъявляемых претензий к предстоятелю Церкви. Кроме того, переписка епископа Вениамина контролировалась органами ГПУ – все послания вскрывались. Содержание их было известно заинтересованным лицам и не могло устраивать ни властей, ни митрополита Сергия. Никаких шагов, смягчавших обстановку в епархии и в Церкви в целом, сделано, конечно, не было.

А в ссылку, в далекий поселок Кара-Тюбе шли письма, рассказывавшие о распространении неприятия политики Заместителя Местоблюстителя. Уверенность в единодушии епископа Вениамина с митрополитом Агафангелом и его следовании воле покойного архипастыря, почитание исповеднического подвига снискали ему такой авторитет, что к ссыльному владыке с особым доверием обращались и епископы, и священники, и миряне. В ответных посланиях он убеждал своих корреспондентов в необходимости всякому христианину «подклониться под крепкую руку Божию», прекратить раскол. Идея подвига терпеливого несения своего креста, неизбежности в богоборческом окружении сокрытия благодатной жизни в тайне сердца своего повторена им в нескольких письмах:

«Правительство здесь недипломатическим языком говорит, [что] оно идет с открытым забралом: долой Бога, долой Христа и Его Церковь, религию. Я – бог. Это не просто Антихрист. Это далее Антихриста. Антихрист знает Бога и Христа. Основа Антихриста – одна гордыня. Правительство хочет не знать ни Бога, ни Христа, только себя – человека; я – бог, и свои намерения утверждать в новом государстве. [...]»

Атеизация человечества разрастается. Неведомы ее пределы. Идеологически исход для христианина в атеистическом государстве – уход из мира, из атеистического государства. (Но куда? Некуда.) Христианину остается скорбеть и терпеть, покоряться действительности. Покоряться не идеологически – он хранит свои принципы, как святыню. При наличной действительности это хранение – идея его жизни»¹⁴.

Казалось бы, такой странный совет. Но если мы оглянемся на историю прошедшего столетия, то увидим, что те немногие священнослужители-исповедники, которым Господь судил пережить каторгу и вернуться в Церковь, именно так заверша-

¹² Пропущено в перлюстрированном тексте.

¹³ Письмо епископа Вениамина Ярославскому архиепископу Павлу (Борисовскому) 29.11.1929 (Архив ДКНБ Казахстана. Д. № 3260. Т. 9).

¹⁴ Письмо епископа Вениамина архиепископу Павлу от 16.06.1929 (Там же).

ли свое служение Богу в советской богоборческой стране. Они подчинились навязанным им порядкам жизни, служили в лесах и болотах, терпели угрозы, навязчивость и алчность осведомителей, скорбели и молчали, но верность свою и любовь ко Христу пронесли как святыню. Так что эти странные слова епископа Вениамина оправдались в действительности и оказались провиденциальными.

Из множества писем, разосланных ссыльным владыкой своим корреспондентам, резко выделяется одно, написанное в конце 1929 года сельскому священнику Александру Соколову. В нем о самых известных, всю жизнь глубоко и искренно уважаемых людях епископ говорит в таком тоне, который был вообще несвойственен ему и неприемлем для него ранее, и в таких словах, которые при общении с ними он ни помыслить, ни сказать бы не мог, глядя, например, в глаза «незабвенного отца и святителя митрополита Агафангела». Он даже не называл сана упоминаемых архиереев.

«[...] В феврале отделился со своими викарными митрополит Агафангел [...] Документ этого февральского отделения дошел до меня в Джамбейтау, я не присоединился к ним. Отделение было неправильно. [...] Они осудили Декларацию митрополита Сергия – это правильно, акт Декларации не может быть принят Православной Церковью. Но отделение Агафангела, Димитрия, Виктора – чистая обывательщина, произвол и анархия, потому что такое отделение по существу своему – суд и приговор судебный. Лишить главу Церкви его звания и власти можно только по церковному суду. Но как судили митрополита Сергия отделившиеся? Очень просто. Захотели, взяли, да осудили, каждый сам по себе, так, как судят обывательские бабы. Это не суд, а самый грубый самосуд. В Церкви судит всегда Церковь, или кому Она поручает суд. Суд без Церкви – явочное выступление. Суд без Церкви – самосуд, власть на местах в период революционного расстройтва – есть анархия. Отделившиеся от митрополита Сергия совершили самочинный, самозванный суд, скорее самосуд»¹⁵.

Здесь стоит вспомнить, что в первом отзыве об отделении митрополита Агафангела епископ Вениамин отметил серьезность его оснований и отмечал историческую заслугу отделившихся, а в письме к архиепископу Павлу называет провозглашение солидарности с советским государством чудовищным союзом – соединением неба и ада.

Теперь владыка впервые говорит о приемлемости положения, создавшегося в Церкви после издания Декларации, в частности, ее иерархического возглавления, оправдывая его историческими прецедентами:

«Каноны говорят об избрании [предстоятелей Церкви], но в самой Церкви на всем протяжении истории весьма часто практиковались назначения и никогда назначения не делались поводом к отделению от Церкви, нарушением свободы. Но за две тысячи лет Церковь никогда не была свободной. Государственная власть постоянно нарушала эту свободу. [...] Церковь в данном случае умела различать подлинных нарушителей от мнимых, кажущихся нарушителями и терпела со смирением все творившиеся над Нею нарушения: назначения, перемещения, лишения, увольнения, изгнания, ссылки и т. п.».

Нужно отметить, что аналогии, использованные здесь епископом Вениамином, к рассматриваемой ситуации неприменимы, так как все предшествовавшие постав-

---

¹⁵ Письмо епископа Вениамина священнику церкви с. Переславцево Угличского уезда Ярославской губ. Александру Соколову. Перлюстрировано 8.10.1929 (Архив ДКНБ Казахстана. Д. 3260. Т. 9).

ления светской властью предстоятелей Церкви осуществлялись христианскими, а не богоборческими правителями и никогда не имели целью использования их для разрушения Церкви.

Цитированное выше письмо священнику Александру Соколову, звучащее настолько резким диссонансом тому, что писал епископ Вениамин ранее, может даже вызвать сомнения в своей подлинности. Тем более что нам неизвестны другие послания, написанные в таком настроении и духе. Все же оно подлинно. Возможно, письмо отразило кардинальный пересмотр ссыльным епископом своей церковной позиции, переоценку ценностей. Но возможно и другое.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что единственное письмо, содержащее новые и категорические суждения владыки о наболевших церковных проблемах, видимо, не предполагало ознакомления с его содержанием широкого круга ярославских клириков: оно было послано в деревню. Отец Александр служил в церкви небольшого села¹⁶ Угличского уезда, расположенного в отдалении от дороги и городов, и никакого значительного положения в церковной иерархии не занимал. Мы не знаем, на какое свое письмо он получил такой резкий ответ. Перспектива развития на ярославской земле церковной смуты социальных низов общества, подобной той, которую описал Вятский архиерей, представлялась епископу Вениамину совершенно недопустимой. Если в письме священника рассказывалось что-либо аналогичное, владыка сделал все, что мог, для ее предотвращения. Иначе как желанием остановить бесчинные проявления раскола, нельзя объяснить появление письма о. Александру Соколову. Написанное в резких выражениях, оно могло быть не официальным заявлением о его позиции, но горячим протестом против анархии. Как сказано выше, никому более в таком духе епископ Вениамин не писал.

Из письма явствует, что владыка убеждается в необходимости всеобщего признания митрополита Сергия законным предстоятелем, как единственно спасительного выхода ради сохранения мира церковного, независимо от действий Заместителя Местоблюстителя. В основании этого заключения лежат уже не соображения икономии, а страх перед расколом. Еще через полгода, при упоминании о знаменитом интервью Заместителя Местоблюстителя, епископ Вениамин вновь констатирует ложь в словах митрополита Сергия, но (вновь ради сохранения мира церковного) ищет возможности его оправдания:

«Митрополит Сергей снова компрометирует нашу Церковь („Известия“, 16 февраля). Напечатана там вопиющая неправда о положении Церкви. Начали уже бросать камнями в митрополита Сергия, но прежде чем метать камнями, надо хорошо знать, какую цену дана эта подпись. И кто в этом отношении мы, метающие? Иудеи-фарисеи»¹⁷.

Совершившаяся эволюция церковной позиции епископа Вениамина не позволяет все же считать его, так жестко осудившего непоминающих (и так грубо и несправедливо – митрополита Агафангела), адептом церковной политики Заместителя Местоблюстителя. Его позиция сохраняет изначальное противоречие: убеждая своих корреспондентов в том, что митрополит Сергей является законным главой Русской Церкви, владыка непреклонен в неприятии его Декларации. В том же письме отцу Александру Соколову он пишет:

---

¹⁶ Это село было родиной епископа Вениамина.

¹⁷ Письмо епископа Вениамина диакону Александру Николаевичу Шувалову от 2.03.1930 г. (ДКНБ по Казахстану. Д. 3260. Т. 9).

«...Акт Декларации не может быть принят Православной Церковью. За издание его митрополит Сергей подлежит церковному суду... „Декларация“ подлежит осуждению и суду»¹⁸.

Всем было ясно, что требования церковного устава относительно поставления Первоиерарха в условиях советского варианта «симфонии Церкви и государства» невыполнимы. Возвращение к канонически чистому, не требующему оправданий церковному управлению, епископ Вениамин видит в неопределенном будущем:

«Мое мнение по всему этому, что нужно возможное образование общего голоса Церкви. Невозможно это быстро. С терпением течем на предлежащий нам подвиг. Отсюда возможность страдания. Будем переносить их с покорностью и послушанием Церкви, и с упованием на Небесного Кормчего»¹⁹.

*Милякова Л. Б.
(ПСТГУ)*

АРЕСТ ПЕТЛЮРОВСКОЙ ДИРЕКТОРИЕЙ МИТРОПОЛИТА КИЕВСКОГО АНТОНИЯ (ХРАПОВИЦКОГО) И АРХИЕПИСКОПА ВОЛЫНСКОГО ЕВЛОГИЯ (ГЕОРГИЕВСКОГО) В ДЕКАБРЕ 1918 ГОДА*

Попытки создания в 1917–1920 гг. на Украине национального (самостийного) государства носили «верхушечный» характер. Объявив 11 (24) января 1918 г. независимость Украинской народной республики (УНР), отделение ее от России, украинские политические элиты не были готовы к проведению курса, который отвечал бы общим задачам утверждения независимости, в первую очередь – созданию боеготовой армии, которая в условиях Гражданской войны обеспечивала бы безопасность УНР; проведению земельной реформы в интересах широких крестьянских масс; осуществлению подлинного равноправия народов, проживающих на территории страны и т. д. В результате за короткий период правление социалистической Центральной Рады (4 (17) марта – 29 апреля 1918) сменилось режимом гетмана П. Скоропадского, опиравшимся на австро-германские войска и просуществовавшим до декабря того же года; в свою очередь этот режим был свергнут Директорией во главе с С. Петлюрой – В. Винниченко. 14 декабря 1918 – ноябрь 1920 произошло установление власти большевиков на всей территории Украины.

Вопросы политики в отношении Православной Церкви на Украине не входили в круг первоочередных задач, которые стояли перед Директорией. В то же время именно в период правления Петлюры был четко сформулирован курс на достижение автокефалии Православной Церкви на Украине и принят «Закон о верховной власти в Украинской автокефальной православной миротворческой Церкви», основные положения которого предусматривали разрыв с Русской Православной

---

¹⁸ Письмо епископа Вениамина священнику церкви с. Переславцево Угличского уезда Ярославской губ. Александру Соколову. Перлюстрировано 8.10.1929 (Архив ДКНБ Казахстана. Д. 3260. Т. 9).

¹⁹ Там же.

* Работа осуществлена в рамках проекта РГНФ 05-01-01480 а.